

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

<https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.334-346><https://elibrary.ru/ejqfdw>

УДК / UDC 81'373.611:003.3(=511.112)

Оригинальная статья / Original article

Словообразовательная система переводного памятника тверской карельской письменности 1804 г.

И. П. Новак^{1,2}¹ Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Российская Федерация, <https://ror.org/05wgt8358>² Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН, г. Москва, Российская Федерация, <https://ror.org/017ef8252>
bel.irina@rambler.ru

Аннотация

Введение. Актуальность обращения к памятникам карельской письменности конца XVIII – начала XIX в. в финнистике определяется их малоизученностью, хотя именно в этот период фиксируются переходные языковые состояния, важные для понимания эволюции карельского словообразования. Цель исследования – анализ словообразовательной системы «Перевода некоторых молитв и сокращенного катехизиса» 1804 г., выполненного на говоре толмачевской группы южного диалекта собственно карельского наречия. Особый интерес представляет сочетание в нем исконной лексики с христианскими неологизмами, что открывает перспективы для выявления закономерностей словообразования в сакральной сфере.

Материалы и методы. Объем материала анализируемого источника составляет около 2,5 тыс. слов, из которых 700 – уникальные леммы. Глоссированный текст и словарь лексических входов памятника письменности размещены на сайте лингвистической платформы LingvoDoc. В качестве ведущих в ходе исследования выступили методы морфемного и словообразовательного анализа, использованные для выявления внутренней структуры слова и механизмов его образования. Для систематизации и структурирования полученных данных применен описательно-аналитический метод, включающий приемы классификации. В целях выявления закономерностей и определения частотных характеристик словообразовательных аффиксов использованы сопоставительные и статистические методы, основанные на данных конкорданса. Благодаря методу компонентного анализа удалось уточнить основные значения выявленных в тексте словообразовательных морфем.

Результаты исследования и их обсуждение. В тексте памятника письменности нашли отражение основные грамматические способы словообразования: морфологический и синтаксико-морфологический. Предпочтение отдается морфологическому (суффиксальному) способу деривации. В работе описаны продуктивные для тверских карельских говоров начала XIX в. суффиксы, использованные с целью образования имен существительных (-үшъ / -юшъ, -гүшъ, -нїекка, -гине, -лане, -мине, -нда / -нда, -а), прилагательных (-ттома / -ттїома, -тойнь, -гине, -ллине), глаголов (-че, -чче) и наречий (-лди, -шты). Для наиболее частотных из встречающихся формантов сформулированы правила употребления.

Заключение. Выполнение перевода потребовало от исполнителя разработки целого ряда лексем, выражающих абстрактные понятия, действующие лица, процессы, действия и их результаты. Очевидно желание переводчика максимально полно задействовать в этих целях внутренние ресурсы родного языка; применение заимствований из русского языка сведено к минимуму. Полученные результаты свидетельствуют о гибкости карельской деривационной системы. Сделанные выводы значимы как для изучения исторической морфологии карельского языка и теоретических вопросов прибалтийско-финского словообразования, так и для решения прикладных задач современной лексикографии.

© Новак И. П., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: карельский язык, LingvoDoc, тверские карелы, памятник письменности, перевод, диалектная лексика, суффиксальное словообразование

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-78-20006 (2025–2028 гг.) <https://rscf.ru/project/25-78-20006/>.

Благодарности: автор выражает благодарность Центру коллективного пользования Института системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (ЦКП ИСПИ РАН) за оказанное содействие, которое позволило получить результаты, представленные в данной работе.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Новак И.П. Словообразовательная система переводного памятника тверской карельской письменности 1804 г. *Финно-угорский мир*. 2026;18(3):334–346. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.334-346>

The Word-Formation System of the 1804 Translated Written Monument of Tver Karelian

I. P. Novak ^{a, b}

^a *Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the RAS,
Petrozavodsk, Russian Federation, <https://ror.org/05wgt8358>*

^b *Ivannikov Institute for System Programming of the RAS,
Moscow, Russian Federation, <https://ror.org/017ef8252>
bel.irina@rambler.ru*

Abstract

Introduction. The relevance of studying Karelian written monuments dating from the late 18th and early 19th centuries within Finnic studies lies in the fact that they remain insufficiently investigated, although it is precisely during this period that transitional linguistic features are attested, providing important evidence for understanding the evolution of Karelian word formation. The aim of the present study is to analyze the derivational system of Translation of Selected Prayers and an Abridged Catechism (1804), translated into the dialect of the Tolmachy group of the Southern dialect of Karelian Proper. Of particular interest is the combination of inherited native vocabulary with Christian neologisms, which offers new opportunities for identifying patterns of word formation in the domain of sacred vocabulary.

Materials and Methods. The analyzed source contains approximately 2,500 words, including 700 unique lemmas. The glossed text and the dictionary of lexical entries for this written monument are available on the LingvoDoc linguistic platform. The study primarily employed morphemic and word-formation analysis to identify the internal structure of words and the mechanisms underlying their formation. To organize and systematize the collected data, a descriptive-analytical method was applied, incorporating procedures classification. In order to identify regularities and determine the frequency characteristics of derivational affixes, comparative and statistical methods based on concordance data were employed. Finally, componential analysis made it possible to clarify the principal meanings of the derivational morphemes identified in the text.

Results and Discussion. The written monument reflects the principal grammatical patterns of word formation, namely morphological and morphosyntactic derivation. The morphological (suffixal) pattern is the predominant means of derivation. This study examines the suffixes that were productive in the Tver Karelian dialects of the early 19th century and were employed in the formation of nouns (-үшъ / -юшъ, -гүшъ, -ніекка, -гине, -лане, -мине, -нда / -нда, -а), adjectives (-ттома / -ттіома, -тойнь, -гине, -ллине), verbs (-че, -чче), and adverbs (-лди, -шты). Usage patterns are identified and described for the most frequently occurring derivational suffixes.

Conclusion. The translation process required the translator to develop a considerable number of lexical items denoting abstract concepts, agents, processes, actions, and their results. It is evident that the translator sought to make the fullest possible use of the internal resources of the Karelian language for this purpose, while keeping borrowings from Russian to a minimum. The results obtained demonstrate the flexibility of the Karelian derivational system. The findings are significant both for the study of the historical morphology of the Karelian language and the theoretical issues of Baltic-Finnic word formation, as well as for addressing practical challenges in contemporary lexicography.

Keywords: Karelian, LingvoDoc, Tver Karelians, written language heritage, translation, dialectal vocabulary, suffixal word formation

Funding: The reported study was funded by the Russian Science Foundation, grant No. 25-78-20006 (2025–2028) <https://rscf.ru/project/25-78-20006/>.

Acknowledgements: The author expresses gratitude to the Center for Collective Use of the Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences (CCU ISP RAS) for the assistance provided, which allowed us to obtain the results presented in this work.

Conflict of interest: The author declares no conflict of interest.

For citation: Novak I.P. The Word-Formation System of the 1804 Translated Written Monument of Tver Karelian. *Finn-Ugric World*. 2026;18(3):334–346. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.26183.334-346>

Введение

На базе толмачевских говоров карельского языка в Верхневолжье непродолжительное время в 1930-х гг. (младописьменный период), а затем с 1990-х гг. (новописьменный период) получил развитие нормированный вариант тверского карельского языка. Обогащение его словарного запаса, позволяющее адаптировать язык к новым реалиям и тем самым повышать его престиж, остается на сегодняшний день актуальной задачей.

Тверской письменный стандарт получает распространение в публичном дискурсе в Карелии и Тверской области. Он активно используется в средствах массовой информации. Так, с 2024 г. в газете *Oma tui* появилась отдельная полоса, на которой публикуют свои материалы тверские карельские активисты. Национальная редакция ГТРК «Карелия» в 2024–2026 гг. подготовила целую серию передач, посвященных тверским карелам. Кроме того, в последние годы наблюдается рост числа публикаций на тверском карельском языке в социальных сетях. Особое внимание уделяется карельским надписям на рекламных баннерах, вывесках и сувенирной продукции, что связано со стремительно набирающими популярность в Тверской области фестивалями карельской культуры (например, «Калитка» в Лихославльском районе или *Oma randa* в Спировском). Эти позитивные тенденции требуют систематической работы специалистов по расширению лексического потенциала языка и популяризации новой лексики среди носителей, что входит в задачи созданной в 2018 г. Комиссии по использованию письменной формы языка тверских карел в публичной сфере.

Как и в некоторых других финно-угорских языках России, в тверском карельском новописьменном варианте наблюдается выраженный дефицит общественно-политической, научно-технической, экономической терминологии [1–3]. Наиболее простым способом решения этой проблемы представляется заимствование терминов из русского языка, однако для поддержания престижа развивающихся языков приоритетной задачей является создание лексики на основе исконных корней с использованием собственных словообразовательных возможностей, эффективность которых наглядно продемонстрирована еще в текстах ранних памятников письменности.

Переводные памятники играют важную роль в процессе становления литературного языка, особенно не имеющего продолжительной истории письменной традиции. Подобные источники могут служить не только базой для пополнения лексического корпуса, но и ценным материалом для изучения диахронических процессов, а также основных способов обогащения словарного состава языка на различных хронологических срезах. Это, безусловно, существенно расширяет возможности для его изучения, а в случае с языками, находящимися под угрозой исчезновения, ревитализации. В современном контексте данные подобных источников могут быть эффективно использованы в лексикографической работе.

Цель исследования – установление инвентаря продуктивных словообразовательных аффиксов и определение их значений в языке первого печатного переводного памятника тверской карельской письменности – брошюры «Перевод некоторых

молитв и сокращенного катехизиса на карельский язык», опубликованной в 1804 г. в Санкт-Петербурге. Анализ ее фонологической и морфологической систем позволил возвести язык перевода к толмачевской группе говоров южного диалекта собственно карельского наречия карельского языка [4], т. е. речь идет о центральных районах (Лихославльском, Спировском, Максатихинском) современной Тверской области.

Обзор литературы

До настоящего времени лексика памятников карельской письменности не становилась предметом специальных систематических исследований. Исключением являются немногочисленные публикации, посвященные уникальным лексическим единицам, в том числе анализируемым на основе ранних источников [5; 6], или описанию словарного состава отдельных изданий в контексте общего анализа.

Анализ разнородных письменных памятников карельского и вепсского языков XVII – начала XIX в. позволяет выделить несколько ключевых направлений в изучении их языкового облика. В фокусе исследовательского внимания оказываются ранние заговорные тексты, в которых фиксируются архаичные лексико-грамматические конструкции, отражающие специфику устной ритуальной речи [7]. В свою очередь, И. И. Муллонен в ряде работ обратилась к анализу карельско-русских словарных записей XVII в.: в частности, ею (совместно с коллегами) описаны материалы из «Цветника» Прохора Коломнятина 1668 г., в которых зафиксировано более десятка лексем, впоследствии утраченных языком, а также исследована лексика записей, сделанных архимандритом Феофаном в Соловецком монастыре в том же году [8; 9]. Дополнительно в научной литературе уделялось внимание русско-карельскому словнику начала XVIII в. из собрания П. П. Вяземского, а также отдельным лексемам из тверских карельских переводов Евангелий от Матфея и Марка 1820 г. и переводческим стратегиям, примененным в этих текстах¹. Совокупность перечисленных источников, охватывающих различные жанры и хронологические срезы, позволяет не только зафиксировать архаичные языковые явления и словарные потери, но и проследить эволюцию приемов письменной фиксации, взаимодействие книжной традиции с живой диалектной речью, влияние русской лексики и синтаксиса на формирование ранней карельской письменности².

В трудах российских и зарубежных финнистов исследованы отдельные элементы карельской словообразовательной системы: группа коллективных суффиксов; показатели *-ganden ~ -gänden, -škanden ~ -škänden*, используемые в людиковском наречии для образования глаголов; суффикс деятеля *-nik*; а также аффиксы *-ndu / -ndy / -nd(e)* и *-hine*, распространение которых в южных карельских наречиях также получило освещение в научной литературе³ [10].

Кроме того, в исследованиях предметом внимания выступают отдельные группы суффиксов, используемые для образования конкретных частей речи; так, анализируются аффиксы наречий в тихвинских говорах⁴, предпринимается попытка классификации отглагольных суффиксов имен существительных карельского

¹ Мещерский Н.А. Русско-карельские словарные записи XVI – начала XVII в. В: Прибалтийско-финское языкознание. М., Л.: Изд-во АН СССР; 1961. С. 16–32.

² Макаров Г.Н. Карельская рукопись полуторавекковой давности. В: Вопросы финно-угорского языкознания. М., Л.: Изд-во АН СССР; 1964. С. 176–184; Громова Л.Г. К 200-летию тверских переводных памятников карельской письменности начала XIX столетия. В: Бубриховские чтения: задокументированное народное слово. Петрозаводск: КарНЦ РАН; 2020. С. 110–114.

³ Virtaranta P. Eräistä karjalais-vepsäläisestä kollektiivijohdimesta. В: Verba Docent. Helsinki: SKS; 1959. S. 403–422; Turunen A. Vepsän ja lyydin verbijohdimet -ganden ~ -gänden ja -škanden ~ -škänden. Helsinki: Helsingin yliopisto; 1973. 452 s.; Пальмеос П. Суффис *-nik* в прибалтийско-финских языках. Советское финно-угроведение. 1982;18(1):1–7.

⁴ Kukkk T. Zu adverbialsuffixen der tichviner Mundart des Karelschen. Советское финно-угроведение. 1982;(1):10–15.

языка⁵. Некоторое внимание вопросам словообразования уделено в описаниях грамматических систем отдельных карельских диалектов – например, толмачевских и тихвинских говоров⁶.

Единственным фундаментальным исследованием словообразовательной системы карельского языка остается монография Л. Ф. Маркиановой, посвященная анализу глаголообразующих суффиксов⁷. В то же время суффиксальное образование карельских имен подробно не рассматривалось. Однако необходимо отметить научное издание, подготовленное С. В. Нагурной и А. П. Родионовой, где в разделе, посвященном современным словообразовательным процессам в карельском языке, даны основные аффиксы, применяемые сегодня в словотворческой практике для образования новых имен [11]. В учебных грамматиках нормированных вариантов карельского языка перечислены наиболее продуктивные способы деривации и инвентарь основных производных суффиксов⁸.

Таким образом, при наличии обширного корпуса работ по заявленной проблематике остаются открытыми вопросы, касающиеся установления полного комплекса словоизменительных аффиксов, их семантического содержания, а также степени продуктивности, в том числе в диахронической перспективе. Особую ценность представляют материалы письменных памятников, позволяющие проследить эволюцию деривационной системы карельского языка.

Материалы и методы

Материалом для исследования выступила лексика издания 1804 г. «Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на карельский язык»⁹, представленного переводами пяти молитв (Молитва Господня, Символ Веры, Молитва к Богородице, Молитва перед Св. Причащением, Молитва преподобного Ефрема), Десятословия и Сокращенного катехизиса, состоящего из 45 вопросов и ответов на них. Глоссированный текст и конкорданс памятника письменности опубликованы на сайте лингвистической платформы LingvoDoc¹⁰. Транслитерированный на латиницу размеченный текст размещен также на сайте Открытого корпуса вепсского и карельского языков¹¹.

Объем анализируемого источника составляет около 2,5 тыс. слов: 700 уникальных лемм, из которых примерно 40 % – существительные, 20 – глаголы, 10 – прилагательные, 7 – наречия, 5 % – местоимения.

⁵ Филиппова Е.В. Отглагольные суффиксы имен существительных в диалектах карельского языка. В: Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона. Петрозаводск: КарНЦ РАН; 2005. С. 407–412.

⁶ Беляков А.А. Морфологическая система собственно-карельского диалекта (калининское наречие). В: Труды Карело-финского филиала АН СССР. 1954;(1):78–79; Рягов В.Д. Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука; 1977. 288 с.

⁷ Маркианова Л.Ф. Глагольное словообразование в карельском языке: моногр. Петрозаводск: Карелия; 1985. 193 с.

⁸ Зайков П.М. Грамматика карельского языка. Петрозаводск: Периодика; 1999. 120 с.; Markianova L. Karjalan kieliooppi. Petroskoi: Periodika; 2002. 292 s.; Новак И.П. Грамматика карельского языка. Петрозаводск: КарНЦ РАН; 2020. 177 с.

⁹ Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на карельский язык. СПб.: Синод. тип.; 1804. 32 с. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/teos/binding/1975982?page=5> (дата обращения: 03.02.2026).

¹⁰ Lingvodoc. Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на карельский язык [Электронный ресурс]. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11306/17/perspective/11306/21/view> (дата обращения: 03.02.2026); Lingvodoc. Словарь по памятнику письменности «Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на карельский язык» [Электронный ресурс]. URL: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/11429/2/perspective/11429/3/view> (дата обращения: 03.02.2026).

¹¹ Открытый корпус вепсского и карельского языков. VerKar. Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на Карельский язык. Molitvat [Электронный ресурс]. URL: http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/7481?search_corpus%5B0%5D=12&search_lang%5B0%5D=4 (дата обращения: 03.02.2026); Открытый корпус вепсского и карельского языков. VerKar. Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на Карельский язык. Perevod sokraščennago katihihisa [Электронный ресурс]. URL: http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru/corpus/text/7482?search_corpus%5B0%5D=12&search_lang%5B0%5D=4 (дата обращения: 03.02.2026).

Методологическую основу работы составили морфемный и словообразовательный виды анализа, направленные на выявление внутренней структуры слова и механизмов его образования. На этапе обработки полученных данных использовался описательно-аналитический подход, включающий приемы систематизации и классификации. Для установления закономерностей и определения частотных характеристик словообразовательных аффиксов использованы сопоставительные и статистические методы, основанные на данных конкорданса.

Материалом для сопоставления послужили также диалектные словари тверских говоров¹². Благодаря методу компонентного анализа удалось уточнить основные значения выявленных в тексте словообразовательных морфем.

Результаты исследования и их обсуждение

1. *Лексический состав и словообразовательные механизмы языка «Перевода...»*. Специфика текста религиозного характера, содержащего молитвы и краткое изложение основ вероучения в форме вопросов и ответов, требует особой христианской терминологии. В то же время в переводе содержится значительное число общеупотребительных слов и выражений, большая часть из которых имеет исконное происхождение. Так, например, слова *шилма* 'глаз', *муа* 'земля', *еліа* 'жить', *куолла* 'умирать' принято возводить к прауральскому языку; *пойга* 'сын', *вери* 'кровь', *илма* 'свет', *колме* 'три', *олла* 'быть', *андуа* 'давать', *нага* 'видеть' – к финно-угорскому; *кликиё* 'велеть', *шейчменъ* 'семь', *ванга* 'старый' – к финно-пермскому; *югекшан* 'девять', *каткё* 'хоронить' – к финно-волжскому; *шана* 'слово', *велга* 'долг', *войа* 'мочь' – к прибалтийско-финскому. Лексемы *ними* 'имя', *вези* 'вода', *юмала* 'бог', *гебоне* 'лошадь' являются древнейшими индоевропейскими заимствованиями; *инегмине* 'человек', *найне* 'женщина', *гарга* 'бык', *тайваши* 'небо' – балтийскими; *пюга* 'святой', *кевга* 'бедный', *канжа* 'народ', *лейба* 'хлеб', *кунингаши* 'царь' – германскими; *папти* 'священник', *ристи* 'крест' – славянскими¹³. В языке памятника зафиксированы отдельные лексемы прибалтийско-финского происхождения, вышедшие из употребления в современных тверских карельских говорах, напр.: *войма* 'сила', *алойлине* 'частый', *руохтина* 'князь, принц'.

В случае отсутствия возможности найти эквивалент или создать новое слово на базе родного языка переводчиком использованы русские заимствования, например: *обіедна* 'обедня', *присага* 'присяга', *лійка* 'лик', *розбойніекка* 'разбойник', *пророкка* 'пророк', *муокка* 'мука', *апостола* 'апостол', *слуава* 'слава', *віеріе* 'верить', *віерүйа* 'веровать', *сватътіе* 'святить', *слүүжё* 'служить', *сүүдіе* 'судить'. Заимствования адаптированы под фонетические законы карельского языка (замена ударного гласного русского языка расширяющимся дифтонгом, переход одиночного смычно-взрывного согласного в геминату, появление гласных в ауслауте), что позволило им встроиться в грамматическую систему.

Очевидна большая словотворческая работа автора перевода, объясняемая желанием максимально полно использовать ресурсы родного языка. В тексте памятника письменности нашли отражение основные грамматические способы словообразования: морфологический и синтаксико-морфологический.

В качестве примеров словосложения (синтаксико-морфологического способа) можно привести *питкаигагине* 'долголетний' от *питка* 'долгий', *игагине* 'вечный', *гейнанурми* 'сенокос' от *гейна* 'трава, сено' и *нурми* 'луг, покос'. В данном случае речь идет об использовании переводчиком приема калькирования.

¹² Словарь карельского языка (тверские говоры) [Электронный ресурс]. URL: <https://punzhina.krc.karelia.ru> (дата обращения: 10.02.2026); Karjalan kielen sanakirja [Электронный ресурс]. URL: <https://kaino.kotus.fi/kks/> (дата обращения: 12.02.2026).

¹³ Häkkinen K. Mistä sanat tulevat: suomalaista etymologiaa. Helsinki: SKS; 1990. 326 s.; Муллонен И.И. Введение в финно-угроведение. Johdatusta fennougristiikkaan. Учеб. пособие на фин. яз. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ; 2007. 124 с.

Наряду с традиционным словосложением (слитное написание сложного слова), некоторые слова даны с раздельным написанием, напр., *наизъ инегмине* ‘женщина’ от *найне* ‘женщина’ и *инегмине* ‘человек’ (букв. человек женского пола), *гюва табане* ‘милосердный’ от *гюва* ‘добрый’ и *табане* ‘обладающий какой-либо чертой характера’. На словосложение в подобных примерах указывает характер первого компонента: использование согласной или усеченной основы, неизменный вид при словоизменении. Кроме того, здесь действует основной семантический признак – выражение единого понятия.

Любопытны в этом отношении имена собственные *Шюндюрюохтина* и *Шүүришюндю*, используемые в тексте для передачи значения ‘Иисус Христос’. Лексема *Шюндю*, обозначающая в карельском языке мифологическое существо, которое присутствует на земле в святочный период¹⁴, очевидно, восходит к дохристианской эпохе. Она входит в одно гнездо с глаголом *шюндюю* ‘родиться’. Согласно точке зрения Н. Г. Зайцевой, использование лексемы *Шюндю* для обозначения Бога-сына (Иисуса) может быть связано с идеей «рожденный от Бога-отца» [12]. Употребление данной лексемы в этом значении кроме тверских карельских говоров и вепского языка характерно также для ранних ливвиковских источников¹⁵. Лексема *рюохтина* в этимологических словарях соотносится с финским *ruhtinas / ruhtina* ‘князь, принц’ и возводится к германским заимствованиям¹⁶.

2. Морфологическое словообразование в языке «Перевода...». Приоритетным для языка перевода является морфологический (суффиксальный) способ словообразования, т. е. создание новых слов на базе исконной лексики путем присоединения суффиксов к основам имен и глаголов. В рамках исследования анализируются не все производные слова, а только образованные с помощью наиболее частотных морфем. Так, например, в тексте представлены случаи образования новых имен от глагольных основ с использованием аффиксов *-o / -io* (*пало* ‘пожар’, *сло* ‘имущество’, *нагйо* ‘лицо’, *рүадо* ‘работа’), *-ie* (*күоліе* ‘покойник’) или от основ имен с помощью форманта *-не* (*иглане* ‘вечный’, *паллагине* ‘голый’). В анализируемых материалах можно вычленил несколько словообразовательных гнезд, содержащих типичные деривационные морфемы, присоединяющиеся к основам глаголов, напр.: *аттала-* ‘оставить’, *аттале-* ‘оставлять’, *аттіече-* ‘оставляться’; *мүйста-* ‘помнить’, *мүйсүтта-* ‘вспоминать, напоминать’; *сла-* ‘жить, проживать’, *славдю-* ‘ожить, воскреснуть’ и др. Приведенные суффиксы также могут быть использованы специалистами в процессе современного словотворчества, однако для анализируемого текста дериваты, содержащие их, очевидно, не являются новообразованиями.

2.1 Образование имен существительных. Имена существительные в тексте перевода образованы как от именных, так и от глагольных основ. Среди суффиксов, употребляемых с именами, наиболее частотными являются *-ушь / -юшь* (11)¹⁷, *-гүшь* (5), выражающие абстрактные, отвлеченные понятия. Напр., *айяюмалүшь* ‘многобожие’ (< *äijä*¹⁸ ‘много’ + *jumala* ‘бог’), *ейюмалүшь* ‘безбожие’ (< *ei* ‘нет’ + *jumala* ‘бог’), *вангеммүшь* ‘старшинство, главенство’ (< *vanhemba-* ‘более старший’), *віарюшь* ‘вина’ (< *viärä* ‘виновный’), *гювюшь* ‘добро’ (< *hyvä* ‘добрый’), *лайсүшь* ‘лень’ (< *laiska* ‘ленивый’), *пүхтагүшь* ‘чистота’ (< *puhtaha-* ‘чистый’); *омагүшь* ‘родство’ (< *oma* ‘свой’), *паппигүшь* ‘священство’ (< *pappi* ‘священник’). Первый суффикс следует за слабой основой одноосновных и гласной основой двусловных имен, второй –

¹⁴ Karjalan kielen sanakirja [Электронный ресурс]. URL: <https://kaino.kotus.fi/kks/> (дата обращения: 12.02.2026).

¹⁵ Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на олонецком языке. СПб.: Синод. тип.; 1804. 27 с.

¹⁶ Suomen etymologinen sanakirja [Электронный ресурс]. URL: <https://kaino.kotus.fi/suomenetymologinensanakirja> (дата обращения: 13.02.2026).

¹⁷ В скобках указано количество случаев фиксации суффикса в тексте перевода. – Авт.

¹⁸ Производящие основы или начальные формы слов приведены в современной графике. – Авт.

за сильной гласной основой двусложных имен. Присоединение форманта вызывает выпадение конечного гласного производящей основы. Как демонстрируют примеры, в качестве производящей здесь преимущественно употребляется основа имен прилагательных, реже – существительных и местоимений.

В источнике встречаются редкие примеры использования следующих суффиксов со значением *potina agentis* (лат. имена деятеля):

– **-нйекка**: *абунйекка* ‘помощник’ (< *abi* ‘помощь’), *велганйекка* ‘должник’ (< *velga* ‘долг’);

– **-лане**: *кодилане* ‘домочадец’ (< *kodi* ‘дом’), *паголане* ‘беглец’ (< *pago* ‘побег’).

Все примеры демонстрируют присоединение суффикса к сильной гласной основе имени.

Самым популярным суффиксом для образования имен действия от глагольных основ в языке перевода является **-мине** (160). Он присоединяется к сильной гласной основе глаголов любого словоизменительного типа, напр., *андамине* ‘дар’ (< *anda* ‘давать’¹⁹), *вараттамине* ‘боязнь’ (< *varatta* ‘вызывать боязнь’), *войдамине* ‘смазывание’ (< *voida* ‘мазать’), *галгйемине* ‘раскол’ (< *halgie* ‘раскалываться’), *гейтамине* ‘оставление’ (< *heittä* ‘прекращать’), *йовдомине* ‘безделье’ (< *jouda* ‘быть не занятым делом’), *йякшйечимине* ‘намерение’ (< *jiäkšieče* ‘зарекаться’), *когендамине* ‘исправление’ (< *kohenda* ‘исправлять’), *кюжюмине* ‘вопрос’ (< *kužu* ‘спрашивать’), *кавюмине* ‘хождение, посещение’ (< *kävy* ‘ходить’), *луадимине* ‘деяние’ (< *luadi* ‘делать’), *опаштамине* ‘учение’ (< *opašta* ‘учить’), *оттамине* ‘употребление’ (< *otta* ‘брать’), *пагизимине* ‘говорение’ (< *pagize* ‘говорить’), *пидамине* ‘проведение’ (< *pidä* ‘держат’), *пйаштамине* ‘освобождение’ (< *piäštä* ‘освободить’), *пугаштамине* ‘очищение’ (< *puhašta* ‘очищать’), *рисситтамине* ‘крещение’ (< *ris-sittä* ‘крестить’), *тахтомине* ‘намерение’ (< *tahto* ‘хотеть’), *таптамине* ‘убийство’ (< *tappa* ‘убивать’), *тййюштамине* ‘знание’ (< *tijjušta* ‘узнавать’), *шаномине* ‘ответ / рассказ’ (< *šano* ‘рассказывать’), *шүамине* ‘приобретение’ (< *šua* ‘получать’), *шуваччомине* ‘любовь’ (< *šuvače* ‘любить’), *шюомине* ‘кушанье’ (< *šyö* ‘есть’), *юомине* ‘питье’ (< *juo* ‘пить’), *агамине* ‘раздел’ (< *jagua* ‘делить’), *аттамине* ‘оставление’ (< *jättä* ‘оставлять’). Присоединение показателя может вызвать лабиализацию конечного гласного лексической основы глагола -е, напр., *гавкүочомине* ‘сквернословие’ (< *haukkuoče* ‘сквернословить’), *күмарделомине* ‘молитва’ (< *kumardele* ‘молиться’), *оломине* ‘пребывание’ (< *ole* ‘находиться’), *паномине* ‘помещение (процесс)’ (< *rape* ‘класть’), *ушшолдүачомине* ‘надежда’ (< *uššalduače* ‘обещаться’). При образовании существительных от одноосновных глаголов с инфинитивом на -ja / -jä используется краткая основа, напр.: *вардеймине* ‘охранение’ (< *vardei* ‘охранять’), *наймине* ‘брак’ (< *pai* ‘жениться’).

Суффикс **-нда / -ндл** (50), употребляемый для выражения действия или его результата, является также частотным в тексте источника, напр.: *ваннуоченда* ‘клятва’ (< *vanpuoče* ‘защищать себя, отрицать вину’), *вйерүйченда* ‘вера’ (< *vieruiče* ‘веровать’), *галгйенда* ‘раскол’ (< *halgie* ‘раскалываться’), *еландл* ‘жизнь’ (< *elä* ‘жить’), *каргалнда* ‘пляска’ (< *kargaja* ‘плясать’), *качонда* ‘уход’ (< *kačšo* ‘ухаживать’), *күмардүаченда* ‘молитва’ (< *kumarduače* ‘кланяться’), *кашкенда* / *кашшкенда* ‘приказ’ (< *käške* ‘приказывать’), *лашшкенда* ‘отпущение’ (< *laške* ‘отпускать’), *луаинда* ‘образование’ (< *luadi* ‘делать’), *опашиинда* ‘учение’ (< *opašta* ‘учить’), *паккүонда* ‘просьба’ (< *rakkuo* ‘просить’), *паненда* ‘вклад’ / *панонда* ‘обряд’ (< *rape* ‘класть’), *тагонда* ‘похоть’ (< *tahto* ‘хотеть’), *тирпанда* ‘терпение’ (< *tirpa* ‘терпеть’), *тойвоттүаченда* ‘обещание’ (< *toivottuače* ‘обещаться’), *шанонда* ‘рассказ’ (< *šano* ‘рассказывать’),

¹⁹ Здесь и далее по тексту для всех отглагольных образований указана основа глагола, к которой присоединяется суффикс, а также его значение в форме инфинитива. – *Авт.*

шюотенда ‘кормление’ (< šyöttä- ‘кормить’), еронда ‘отделение’ (< eruio- ‘разделяться’), еччинда ‘поиск’ (< ečši- ‘искать’). Очевидно, сюда же следует отнести пример шовиндо ‘согласие, лад’ (< šobi- ‘ладить’). Деривационный аффикс присоединяется к слабой основе одноосновных и гласной основе двусловных глаголов. Словоизменительный тип глагола здесь также не имеет значения

Определить семантические различия между суффиксами -мине и -нда / -нда – сложная задача, поскольку они довольно часто выступают как взаимозаменяемые, о чем свидетельствуют следующие пары производных синонимов: абивоймине – абивойнда ‘обида’, галгемине – галгенда ‘раскол’, опаштамине – опашшанда ‘учение’, паномине – паненда ‘вклад’, шаномине – шанонда ‘рассказ’, тахтомине – тагонда ‘намерение’. Однако анализ полных рядов дериватов позволил сделать вывод, что формант -мине чаще используется для выражения действия или процесса, а аффикс -нда / -нда – его результата.

Результат действия выражают также производные с суффиксом -ушь / -юшь (16), который присоединяется к слабой основе одноосновных многословных глаголов, теряющей конечный гласный, напр., войматушь ‘болезнь; слабость, бессилие’ (< voimatta- ‘болеть’), кирьютушь ‘писание’ (< kirjutta- ‘писать’), муанитушь ‘обман; ошибка’ (< tuanitta- ‘обманывать’), пюгитюшь ‘пост’ (< pyhittä- ‘поститься’). С одноосновными двусловными глаголами используется суффикс -вюшь / -вюшь, выступающий непосредственно за основой слова: тиедавюшь ‘знание, символ’ (< tiedä- ‘знать’), славюшь ‘воскрешение’ (< elä- ‘жить’). Образование производных от двусловных стяженных глаголов происходит от согласной основы, конечный -t которой переходит в удвоенный n, напр., гоивеннушь ‘облегчение’ (< hoivet- ‘унимать, затихать’), луеннушь ‘подкрепление’ (< lujet- ‘крепнуть’), пареннушь ‘выздоровление, исправление’ (< paret- ‘выздоровливать’), юленнушь ‘возношение’ (< ylet- ‘подниматься’), шуваннушь ‘любовь’ (< šuvat- ‘любить’).

Название результата действия в единичных примерах передано также с помощью суффиксов -ошь (паношь ‘вклад; обряд, таинство’ (< pane- ‘класть’)) и -ма (вуоттама ‘неожиданная прибыль’ (< vuotta- ‘ждать’)).

Для передачи значения *nomina agentis* в языке перевода довольно часто используется суффикс -а (31), восходящий к показателю I причастия актива (субстантивированное причастие) и присоединяющийся к сильной гласной основе глагола любого словоизменительного типа, напр., виеа ‘вор’ (< vie- ‘красть’), лэзйла ‘болеющий, больной’ (< läzi- ‘болеть’), опаштаа ‘учитель’ (< opašta- ‘учить’), пугаштаа ‘чистильщик’ (< puhašta- ‘чистить’), наготтаа ‘враг’ (< pahotta- ‘мучить’), пидла ‘держатель’ (< pidä- ‘держать’), пиллаа ‘спасатель’ (< piästä- ‘спасать’), руадаа ‘рабочий’ (< ruada- ‘работать’). Конечный гласный -е основы переходит в -i, напр., вьеруйчла ‘верующий’ (< vieruiče- ‘веровать’), клшкелла ‘слуга’ (< käškele- ‘приказывать’), найчйечла ‘брачующийся’ (< naičieče- ‘жениться’). В тексте для обозначения агента используются также субстантивированные формы II причастия пассива: каннетту ‘выношенный, рожденный; ребенок’ (< kanda- ‘носить, рожать’), рисситеттю ‘крещенный; верующий’ (< rissittä- ‘крестить’), рисситтю ‘крещенный; христианин’ (< risti- ‘крестить’).

2.2 Образование имен прилагательных. В переводе представлен целый ряд суффиксов, употребляемых для образования имен прилагательных от основ существительных.

Каритивные прилагательные в своем составе обнаруживают суффикс, зафиксированный в форме единственного числа номинатива в двух вариантах -ттома / -ттйома и -тойнь: «...гйань онъ гйбйеттйома (< hibie ‘тело’) дуу́ху и шурматойнь (< šurta ‘смерть’)...» ‘...Он есть бестелесный Дух и бессмертный...’; «...верень нейчи юовъ кириккйо вйккүа аттаммизехъ рйахкйень еландахъ игаттйомахъ (< igä

‘жизнь, век’)...» ‘...вместо крови пьет церковь вино во оставление грехов в жизнь **бевечную...**’; «...*nappi войдүасса войматтмүа* (< *voima* ‘сила’) *паккуовъ ганелла гоивеннуита тавдеишта...* » ‘...священник при помазании просит **немошного** (букв. бессильного) ему облегчения от болезни...’.

Группа суффиксов используется для выражения свойства «относящийся к чему-либо, обладающий чем-либо»:

– **-гине** (17): *айгагине* ‘временный’ (< *aiga* ‘время’), *валлагине* ‘вольный’ (< *vällä* ‘воля’), *игагине* ‘вечный’ (< *igä* ‘жизнь, век’), *налгагине* ‘голодный’ (< *nälgä* ‘голод’), *рйахкагине* ‘грешный’ (< *riähkä* ‘грех’), *тожигине* ‘истинный’ (< *toži* ‘истина’);

– **-ллине**: *генгеллине* ‘душевный’ (< *henge-* ‘душа’), *пайваллине* ‘дневной’ (< *päivä* ‘день’), *алоиллине* ‘частый, постоянный’ (< *ala* ‘пространство’).

Суффикс **-кашъ** употребляется для выражения обилия чего-либо: *тожикашъ* ‘правдивый; букв. изобилующий правдой’ (< *toži* ‘истина’). То же значение имеет суффикс **-ва** / **-ва** (6), образующий новые прилагательные от глагольных основ: *тйедава* ‘просвещенный, букв. изобилующий знанием’ (< *tiedä-* ‘знать’), *елава* ‘живой; букв. изобилующий жизнью’ (< *elä-* ‘жить’).

К словообразованию в карельском языке, как и в финском²⁰, принято относить также степени сравнения качественных прилагательных. В переводе встречается три примера образования сравнительной степени с помощью суффикса **-мби**, присоединение которого к гласной основе имени вызывает переход *a > e*, напр.: *пагемби* ‘хуже’ (< *paha* ‘плохой’), *вангемби* ‘старше’ (< *vanha* ‘старый’).

2.3 Образование глаголов. Глагольная словообразовательная система карельского языка хорошо развита. В ней содержится большое число каузативных, рефлексивных, транслативных, фреквентативных, континуативных, моментативных суффиксов, одинаково широко представленных в говорах всех наречий, что указывает на ее исконный характер. Эти деривационные аффиксы продолжают активно использоваться в словообразовательном процессе. В анализируемом источнике зафиксировано немногим более ста глаголов, имеющих общеупотребительное значение. Та их часть, которая обнаруживает в своем составе словообразовательные суффиксы, очевидно, имеет в карельском языке достаточно древнее происхождение. Для обозначения действий, для которых в языке отсутствовали исконные глаголы, переводчик применяет в основном заимствования из русского языка.

Отличительной чертой собственно карельских говоров Центральной России является употребление для образования возвратных глаголов наряду с общекарельскими исконными *-u* / *-y*, *-du* / *-dy*, *-ndu* / *-ndy*, *-udu* / *-udy* суффикса **-че** (*-че*, *-чче*), восходящего к возвратному местоимению *iče* ‘сам’²¹. Согласно материалам памятника письменности, этот суффикс в начале XIX в. уже довольно широко использовался, напр., *валуачче* ‘обливаться’ (< *valua* ‘лить’), *говаттйеичче* ‘прославляться’ (< *hyvättiä* ‘благодарить, задобрить’), *йакишйеичче* ‘зарекаться’ (< *jiäksie* ‘обещать’), *кумардүачче* ‘кланяться’ (< *kumardua* ‘наклонять’), *награммалйеичче* ‘насмехаться’ (< *nagrattele-* ‘смеяться’), *нимитталйеичче* ‘называться’ (< *nimittele-* ‘называть’), *русситтйаичче* ‘креститься’ (< *rissittä* ‘крестить’), *түннүштүаччйе* ‘знакомиться’ (< *tunništua* ‘узнавать’), *юогуттүаччйе* ‘упоминаться’ (< *juohuttua* ‘вспоминать’), *амтйеичче* ‘оставляться’ (< *jättiä* ‘оставлять’). Суффикс *-че* / *-чче* присоединяется к форме I инфинитива одноосновных многосложных глаголов и к гласной основе двусловных глаголов с образованием на конце дифтонга *ie*.

²⁰ Ison suomen kieliopin verkkoversio [Электронный ресурс]. URL: <https://kaino.kotus.fi/visk/etusivu.php> (дата обращения: 10.02.2026).

²¹ Novak I., Penttonen M., Ruuskanen A., Siilin L. Karelian in Grammars: A Study of Phonetic and Morphological Variation: Scientific Electronic Edition. Petrozavodsk: KarRC RAS; 2022. P. 157.

2.4 Образование наречий. Инвентарь наречий текста перевода не изобилует дериватами, однако в нем нашли место производные со словообразовательными суффиксами **-лди** (6) и **-шты** (4), напр., *кебіелди* ‘легко’ (< *kebie* ‘легкий’), *люгюолди* ‘коротко’ (< *lyhyö-* ‘короткий’), *міеліовалди* ‘разумно’ (< *mielövä* ‘разумный’), *снам-малди* ‘больше’ (< *enämbä-* ‘более много’); *праввакашты* ‘правдиво’ (< *prauvakkaha-* ‘правдивый’), *пұхтагашты* ‘чисто’ (< *puhtaha-* ‘чистый’), *раденіешты* ‘усердно’ (< *radenie* ‘усердный’), *шіамиккагашты* ‘зло’ (< *šiämikkähä-* ‘злой’). Оба суффикса присоединяются к слабой основе одноосновных и сильной основе многоосновных имен прилагательных.

Таким образом, анализ словообразовательной системы языка первого переводного печатного памятника тверской карельской письменности 1804 г. – брошюры «Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на карельский язык» – позволил выявить ряд наиболее частотных для тверских карельских говоров начала XIX в. деривационных суффиксов. Класс существительных, как и ожидалось, оказался самым богатым – он активно пополнялся новыми лексемами в любой исторический период развития языка.

Заключение

Перевод текста религиозного содержания потребовал от исполнителя разработки целого ряда терминов, выражающих абстрактные понятия, действующие лица, названия процессов, действий и их результатов. Конечно, не все из приведенных в общих рядах примеров являются результатом словотворческой деятельности переводчика, некоторые лексемы уже были в обиходе, они могли использоваться автором перевода в качестве образцов для создания новых терминов. Отдельные дериваты могут быть удачно применены для обогащения словарного состава современного тверского карельского языка, напр., *pahottaja* ‘враг’, *pakkuonda* ‘просьба’, *panenda* ‘вклад (в том числе банковский)’, *tiedävyš* ‘символ’ и др.

По наиболее частотным суффиксам выведены правила употребления (наличие или отсутствие ограничений по словоизменительному типу производящей основы, использование ее гласного или согласного, сильного или слабого вариантов, изменения гласных компонентов на границе основы и аффикса). По остальным словообразовательным формантам установить подобные правила не представилось возможным из-за ограниченного количества случаев их фиксаций. Здесь требуется привлечение данных других памятников письменности того же периода и диалектной локализации.

Деривационная система тверских карельских говоров до настоящего времени остается недостаточно изученной. В то же время поверхностное сравнение полученных результатов с современными тенденциями, присущими языку тверских карелов, демонстрирует ее преемственность и стабильность.

Результаты проведенного исследования указывают на минимальную долю заимствований в языке анализируемого источника. Данный факт свидетельствует о богатстве лексического состава карельского языка и его гибкости в сфере словотворчества, что говорит о наличии собственных возможностей для создания новой лексики. Словообразовательная система исследованного памятника письменности представляет собой наглядный пример целенаправленного расширения лексического состава языка за счет активации внутренних ресурсов.

Полученные результаты значимы как для изучения исторической морфологии карельского языка и теоретических вопросов прибалтийско-финского словообразования, так и для решения прикладных задач современной карельской лексикографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Титова О.В. О способах образования новых терминов в удмуртском языке. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2014;(1):41–46. <https://elibrary.ru/qfzvfk>
2. Кузнецова М.Н. К проблеме обогащения лексики марийского языка. *Вестник угроведения*. 2022;12(3):445–452. <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-445-452>
3. Стрелкова О.Б. Особенности словообразования в современном удмуртском языке. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2022;15(7):2228–2231. <https://doi.org/10.30853/phil20220393>
4. Новак И.П. Фонологическая система памятника тверской карельской письменности 1804 г. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2025;19(4):537–552. <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2025-19-4-537-552>
5. Баландин Д.Ю., Пашкова Т.В. Вербализация концепта «синагога» в Евангелиях по Матфею и по Марку на вепском и карельском языках. *Linguistica Uralica*. 2024;60(4):296–304. <https://doi.org/10.3176/lu.2024.4.03>
6. Баландин Д.Ю., Пашкова Т.В. Номинации христианина и человека в вепском и карельском языках. *Финно-угорский мир*. 2026;18(1):45–56. <https://doi.org/10.15507/2076-2577.018.2026.01.045-056>
7. Мызников С.А. Карельско-вепские заговоры Олонцкого сборника. В: Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XIX в.: моногр. М.: Индрик; 2010. С. 286–310. <https://elibrary.ru/vlrbfj>
8. Муллонен И.И., Новак И.П. Карельско-русский словарь. В: Памятники лексикографии в «Цветнике» Прохора Коломнятина 1668 г.: моногр. М., СПб. Альянс-Арео; 2023. С. 192–244. <https://elibrary.ru/fmdwxv>
9. Муллонен И.И., Панченко О.В. Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан: моногр. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ; 2013. 116 с. <https://elibrary.ru/xygaul>
10. Пашкова Т.В., Родионова А.П. Словообразовательные суффиксы -ndu/-ndy/-nd(e) и -hine в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка (на примере наименований болезней). *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2021;43(3):17–22. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.596>
11. Ковалева С.В., Родионова А.П. Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка (по данным социолингвистического исследования): моногр. Петрозаводск: КарНЦ РАН; 2011. 138 с.
12. Зайцева Н.Г. Христианская терминология в контексте вепской лингвистики: вепское vs русское (этимологический и лингвогеографический аспекты). *Язык и культура*. 2019;(48):121–136. <https://doi.org/10.17223/19996195/48/8>

REFERENCES

1. Titova O.V. The Ways of Formation of New Terms in the Udmurt Language. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2014;(1):41–46. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/qfzvfk>
2. Kuznetsova M.N. To the Problem of Enriching the Vocabulary of the Mari Language. *Bulletin of Ugric Studies*. 2022;12(3):445–452. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30624/2220-4156-2022-12-3-445-452>
3. Strelkova O.B. Features of Word Formation in the Modern Udmurt Language. *Philology. Theory & Practice*. 2022;15(7):2228–2231. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30853/phil20220393>
4. Novak I.P. Phonological System of a Tver Karelian Written Language Heritage Piece Dated 1804. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2025;19(4):537–552. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35634/2224-9443-2025-19-4-537-552>
5. Balandin D.Yu., Pashkova T.V. Verbalization of the Concept “Synagogue” in the Veps and Karelian Gospels of Matthew and Mark. *Linguistica Uralica*. 2024;60(4):296–304. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.3176/lu.2024.4.03>
6. Balandin D.Yu., Pashkova T.V. Lexical Representations of “Christian” and “Human” in the Vepsian and Karelian Languages. *Finno-Ugric World*. 2026;18(1):45–56. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2076-2577.018.2026.01.045-056>

7. Myznikov S.A. [Karelian-Vepsian Conspiracies of the Olonets Collection]. In: [Russian Conspiracies from Manuscript Sources of the 17th – First Half of the 19th Centuries: A Monograph]. Moscow: Indrik; 2010. P. 286–310. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vlrbfj>
8. Mullonen I.I., Novak I.P. [Karelian-Russian Dictionary]. In: [Monuments of Lexicography in “Tsvetnik” by Prokhor Kolomnyatin, 1668: A Monograph]. Moscow, St. Petersburg: Alliance-Areo; 2023. P. 192–244. (In Russ.) <https://elibrary.ru/fmdwxv>
9. Mullonen I.I., Panchenko O.V. [The First Karelian-Russian Dictionary and Its Author, the Athonite Archimandrite Feofan: A Monograph]. Petrozavodsk: PetrSU Press; 2013. 116 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/xygaul>
10. Pashkova T.V., Rodionova A.P. Derivational Suffixes -ndu/-ndy/-nd(e) and -hine in the Livvi and Ludic Dialects of the Karelian Language (in the Names of Illnesses and Diseases). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):17–22. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.596>
11. Kovaleva S.V., Rodionova A.P. [Traditional and New Vocabulary and Grammar Features in Karelian (Based on Sociolinguistic Research): A Monograph]. Petrozavodsk: KarRC RAS; 2011. 138 p. (In Russ.)
12. Zaitseva N.G. Christian Terminology in the Context of Vepsian Linguistics: Vepsian vs Russian (Linguogeographical and Etymological Aspects). *Language and Culture*. 2019;(48):121–136. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17223/19996195/48/8>

Информация об авторе:

Новак Ирина Петровна, доктор филологических наук, директор Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, ведущий научный сотрудник Междисциплинарного научно-образовательного центра Nordica Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185910, Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11), ведущий научный сотрудник лаборатории «Лингвистические платформы» Института системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (109004, Российская Федерация, г. Москва, ул. А. Солженицына, д. 25), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>, Scopus ID: 57221912667, Researcher ID: AAG-6900-2021, SPIN-код: 9366-5460, bel.irina@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 17.02.2026; одобрена после рецензирования 02.04.2026; принята к публикации 07.04.2026.

Information about the author:

Irina P. Novak, Dr.Sci. (Philol.), Director of the Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Center of the RAS, Leading Researcher, Interdisciplinary Scientific and Educational Center NORDICA, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Center of the RAS (11 Pushkinskaya St., Petrozavodsk 185910, Russian Federation); Leading Researcher, Linguistic Platforms Laboratory, Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (25 A. Solzhenitsyn St., Moscow 109004, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9436-9460>, Scopus ID: 57221912667, Researcher ID: AAG-6900-2021, SPIN-code: 9366-5460, bel.irina@rambler.ru

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 17.02.2026; revised 02.04.2026; accepted 07.04.2026.